

Прошел еще один год, но здоровье императора оставалось прежним. Его головные боли то проходили, то усиливались. Он старел, и после двух лет страданий, выпил больше лекарств, чем обыкновенного чая. Недавно он был вынужден заседать в суде и руководить правительством. Сказывался его возраст, на висках появилась седина. Даже когда головные боли не были столь невыносимыми, император все равно выглядел подавленным и ослабленным.

Состояние здоровья императора влияло на государство и всю страну. Естественно, нельзя было допустить ни малейшей небрежности. Помимо самого Линь Цинюя, Чу Чжэндэ и Линь Жушань также регулярно проверяли пульс императора. В предыдущих династиях были наложницы, которые подкупали императорских лекарей, чтобы попытаться убить императора. Император никогда не доверял до конца ни одному императорскому лекарю. Все рецепты Линь Цинюя для императора сначала проверялись Императорской лечебницей, и только после подтверждения их безвредности, рецепты можно было использовать.

Так было с императором, и то же самое относилось и к наследному принцу. Жаль, что собственные тела подводили их обоих. Несмотря на столь тщательное лечение и заботу, их здоровье не показывало значительных улучшений.

На пятый день Нового года Си Жун посетил резиденцию генерала, чтобы поздравить их с Новым годом и вручить подарки. На этот раз он явился один. Сяо Цзе теперь носил титул цинвана. Если бы он появился в качестве гостя в резиденции генерала как раньше, кто знает, сколько внимания цензоров он привлек бы этим. Сяо Цзе очень уважал Гу Фучжоу и любил встречаться с прекрасным лекарем, он очень хотел прийти к ним, но Си Жун не позволил.

Линь Цинюй не особо переживал о Сяо Цзе, пока имел возможность общаться с Си Жуном. Он пригласил Си Жуна посидеть с ним и выпить чаю, и на этот раз тот не отказался.

Линь Цинюй спросил: «Управляющему Си понравился подарок, который я подарил принцу?»

«Если бы мне не понравилось, разве бы я приехал специально в резиденцию генерала, чтобы поблагодарить вас?»

Линь Цинюй вежливо ответил: «Я думал, управляющий Си здесь только для того, чтобы поздравить нас с Новым годом».

«Мне любопытно. Как госпожа заставила Наньань Хоу и императрицу заговорить? – Си Жун взял чашку с чаем, сделал глоток, заметив с улыбкой. – Это действительно хороший чай».

«Если подарок доставлен по адресу, зачем управляющему Си беспокоиться о том, откуда он взялся?»

«Я просто хочу знать. Могу ли я считать, что императрица и Наньань Хоу на стороне принца?»

Си Жун говорил открыто, но Линь Цинюй отказался следовать его примеру, сказав только: «Управляющий Си должен только всем сердцем помочь принцу, чтобы он мог вернуть благосклонность императора. Пусть другие люди беспокоятся об остальных вещах».

Си Жун знал, кем были эти «другие люди». Он мог видеть, что Линь Цинюй хотел быть тем, кто контролирует общую ситуацию. Он и Сяо Цзе, несомненно, были не более чем двумя пешками в его руках. После того как дело будет завершено, никто не знает, что станет с этими двумя пешками, будут ли они выброшены или сохранены для следующей игры.

Иметь дело с Линь Цинюем было равносильно уговорам тигра отдать шкуру*. Но если он хотел достичь своих целей, у него не было другого пути.

[Примечание: 虎皮 / yǐ hǔ móu pí. Букв. уговорить тигра отдать шкуру; не имеет шансов на успех, безнадежное дело.]

Кроме того, еще неизвестно, кто именно из них был тем самым тигром.

Си Жун показал улыбку, заметив: «Имея слово лекаря Линь, его высочество и я можем быть спокойны».

Они еще немного побеседовали за чаем. Наконец Си Жун встал и откланялся. Перед уходом Си Жун спросил: «Генерал и его жена сделали принцу такой великий подарок. Боюсь, ответного подарка, который я принес сегодня, недостаточно. Я не знаю, о чем попросит генерал, будь то солдаты или власть? Я прошу госпожу предупредить меня заранее, чтобы в будущем его высочество мог выполнить свое обещание».

Линь Цинюй спокойно ответил: «Не нужно беспокоиться, управляющий Си. Все, чего желает генерал – это быть богатым бездельником, с которым никто не смеет связываться».

«А как насчет вас, госпожа?»

«Я? – Линь Цинюй еще не думал об этом в таком ключе. Он сделал так много в значительной степени просто из чувства самосохранения. Если бы Сяо Чэн и император не жаждали завладеть им, если бы они на каждом шагу не давили на Гу Фучжоу, он, вероятно, не зашел бы так далеко.

Когда все будет сделано, и Гу Фучжоу сможет осуществить свою мечту стать ожидающей смерти соленой рыбой, и даже если захочет, сможет осуществить свою мечту стать евнухом. Все это казалось вполне возможным. Но как насчет него, чего хотел он сам?

Вспомнив поздравления из «Весеннего банкета», которыми они обменялись в первый день нового года, Линь Цинюй быстро получил ответ на этот вопрос в своей душе: «Во-первых, я хочу изучать медицину, не отвлекаясь ни на что другое. Во-вторых... я хочу всегда быть с

генералом».

Политический заговор был тяжким преступлением, караемым смертью целого рода. Гу Фучжоу и Линь Цинъюй, взяв на себя такой большой риск и вложив в это так много мыслей, заставили Си Жуна думать, что они хотят получить половину власти клана Сяо. Обычно он бы подумал, что Линь Цинъюй скромно отвечает ему, просто используя вежливые слова, скрывая за ними совсем другое. Но когда он увидел невольно промелькнувшее тепло в холодных глазах Линь Цинъюя, он действительно почти поверил в это.

Си Жун с сомнением переспросил: «Неужели все так просто?»

Линь Цинъюй слегка улыбнулся, отвечая: «Это действительно так просто».

Проводив Си Жуна, Линь Цинъюй позвал Хуань Туна, но вместо него пришла Хуа Лу. Линь Цинъюй попросил передать для кухни сообщение. Нужно было нарезать овцу и приготовить тонкие ломтики баранины. Генерал хотел сегодня вечером съесть баранину, сваренную в медном горшке*. Прошлой ночью Гу Фучжоу упомянул об этом перед сном, и Линь Цинъюй запомнил. Баранина является отличной лекарственной добавкой, она оказывает укрепляющее действие на центр и благотворно влияет на ци. Это подходящее блюдо для зимнего времени.

[Примечание: Полагаю он хочет хого/горячий горшок.]

Хуа Лу ответила: «Хорошо».

А Линь Цинъюй небрежно поинтересовался: «Где Хуань Тун?»

Хуа Лу быстро ответила: «Простуда Хуань Туна усилилась, и с сегодняшнего утра он отдыхает в своей комнате».

Линь Цинъюй слегка нахмурился, снова спрашивая: «Если это простуда, почему он не пришел ко мне?»

«Кто знает? – Хуа Лу равнодушно пожала плечами и предположила: – Вероятно, он не хочет беспокоить молодого мастера».

Линь Цинъюй нашел Хуань Туна в комнате в боковом крыле. Такой личный слуга, постоянно прислуживающий хозяину, как он, жил очень близко к главному дому. Линь Цинъюй не обращался с Хуань Туном как с другими слугами. В доме генерала было мало хозяев и много комнат, так что Хуань Туна не нужно было жить вместе с другими слугами в одной комнате.

Линь Цинъюй постучал в дверь. Когда услышал «войдите», он толкнул дверь и вошел. Хуань Тун

лежал на кровати. Увидев, что это пришел молодой мастер, он поспешно поднялся с места. Но кто знает, где была рана, потому что его лицо исказилось, и он жалобно закричал, приветствуя вошедшего: «Мо-молодой мастер».

«Не двигайся, - Линь Цинюй подошел к кровати и приложил тыльную сторону ладони ко лбу Хуань Туна, чтобы проверить его температуру. - Это не простуда. Что с тобой?»

Хуань Тун пробормотал, краснея: «Я случайно упал и ушибся».

«Тогда почему ты сказал, что простудился? - Линь Цинюй холодно спросил: - Ты научился лгать мне?»

«Нет! - Хуань Тун знал, что он ничего не сможет скрыть от молодого мастера. Терпя боль, он принялся рассказывать. - Это случилось вчера, когда я был на кухне. Я был неосторожен, и меня лягнула овца...»

«Куда тебя ударили?»

Хуань Тун печально посмотрел вниз. Линь Цинюй понял и не смог удержаться от смешка, когда спросил: «Больно?»

Хуань Тун кивнул, горько признаваясь: «Очень больно. Я думал, что умру».

Для обычных мужчин это действительно было невыносимой болью.

«Сними штаны, я посмотрю».

Хуань Тун следовал за Линь Цинюем с детства. Само собой разумеется, что ему нечего было стыдиться перед ним. Но в глазах Хуань Туна молодой мастер был подобен бессмертному. Он не хотел, чтобы молодой мастер видел нечистые вещи, и поэтому не решался и шевельнуться. В конце концов, Линь Цинюй бросил на него холодный взгляд, и тот все же приспустил штаны.

Линь Цинюй использовал чистую деревянную палку, чтобы отодвинуть его в сторону, слегка прикасаясь к ушибленному месту. Но Хуань Тун зашипел, делая резкий вдох, его ноги мелко подрагивали. Ему действительно было очень больно.

Овца довольно сильно ударила Хуань Туна копытом, и ушибленное место было покрасневшим и опухшим. Нужно было наложить лекарство.

Глядя на него, сердце Линь Цинюя было спокойным, как стоячая вода. Конечно же, тела других людей были для него всего лишь кусками плоти. Только тело Гу Фучжоу могло заставить его руку чувствовать себя испорченной.

«Я попрошу кого-нибудь доставить тебе лекарство. После нескольких дней применения отек должен спастись, – Линь Цинюй выглянул в окно, спрашивая. – Который час?»

Хуань Тун быстро ответил: «Должно быть почти шэнь ши*».

[Примечание: Время с 3 вечера до 5 вечера.]

Для Гу Фучжоу было еще слишком рано возвращаться в резиденцию. Линь Цинюй подумал и приказал Юань Иню подготовить экипаж. Управляющий поинтересовался: «Госпожа собирается в Императорскую медицинскую канцелярию?»

«Нет, я еду в военный лагерь».

Военный лагерь столицы был расположен в десяти ли от города. Это был лагерь для тяжелой кавалерии (в доспехах), которая защищала безопасность столицы. Гу Фучжоу творил чудеса, маневрируя войсками, но он отказывался ступить на поле боя. Поэтому император попросил его наблюдать за тренировками кавалерии, максимально используя пребывание генерала в столице.

Линь Цинюй впервые приехал в лагерь. Как только он вышел из экипажа, то почувствовал, как на него устремились острые взгляды. Охранник с мечом преградил ему путь: «Кто идет?»

Слуга ответил за него: «Это супруга генерала».

«Супруга?»

Охранник оглядел Линь Цинюя с ног до головы. Он слышал, что супруга генерала очень красивый человек, и мужчина, стоящий сейчас перед ним, действительно был несравненно красив. Экипаж, в котором он приехал, также принадлежал резиденции генерала. Охранник был хорошо обучен, и хотя он знал, что перед ним стоит супруга генерала, он все равно следовал установленным правилам: «Сначала я должен попросить госпожу пройти процедуру распознавания лиц».

«Распознавание лиц? – удивленно переспросил Линь Цинюй. – Что это?»

«О, э-э, только те, кто нам кажется знакомым, могут войти беспрепятственно. Новые лица должны сначала зарегистрироваться, а затем отчитаться перед самим генералом».

Пока Линь Цинюй регистрировался, кто-то уже уведомил Гу Фучжоу о его приезде. Как только он положил кисть, то услышал знакомый голос.

«Цинюй».

Гу Фучжоу в казармах полностью отличался от Гу Фучжоу дома. Его длинные волосы были собраны в узел, ни одна прядь не выбивалась из захвата. Очертания его тела выглядели словно вырезанными из камня, а фигура была высокой и прямой. Он шел к нему большими шагами, а темно-красный плащ развевался позади него.

Гу Фучжоу встал перед Линь Цинюем, глядя на него сверху вниз и спросил: «Почему ты вдруг приехал?»

Линь Цинюй знал, что, находясь в военном лагере столицы, Гу Фучжоу должен был разыгрывать представление для окружающих, поэтому спокойно ответил: «Я здесь, чтобы забрать генерала домой».

Если бы они были дома, Гу Фучжоу уже улыбался бы так широко, что уголки его губ взлетели бы высоко вверх. Но на этот раз он никак не отреагировал, только его глаза улыбались ему в ответ: «У меня еще есть час, прежде чем я смогу уйти. До тех пор ты можешь сопровождать меня».

Линь Цинюй проследовал за Гу Фучжоу в лагерь. Его темперамент был холодным, но внешность была яркой и красивой – этот контраст создавал непреодолимое притяжение. Линь Цинюй обладал сильным чувством присутствия, где бы он ни находился. Большинство мужчин в лагере большие, крепкие и грубые парни. Где они могли бы увидеть такую красоту? Все хотели взглянуть на него еще разок, но они так почитали генерала, трепеща перед ним, что перенесли это и на его супругу. Все они твердо сдерживали себя, чтобы не пялиться лишний раз в его сторону.

Гу Фучжоу отвел Линь Цинюя в свою палатку и, отослав остальных, сразу же показал свою истинную натуру. Он взял Линь Цинюя за руку и сел, с улыбкой сказав «Какой же сегодня чудесный день! Лекарь Линь действительно приехал, чтобы забрать меня с работы. Может быть, ты пришел, чтобы проверить меня?»

Линь Цинюй ответил: «Хуань Туна лягнула овца, и я подумал о тебе».

Гу Фучжоу озадаченно переспросил: «А? Как эти две вещи связаны? Меня никогда не лягала овца».

Линь Цинюй улыбнулся, ничего более не добавив. Он оглядел палатку, обратив внимание, что все выглядит очень строго и правильно, тут же спросив: «Чем ты обычно здесь занимаешься?»

«Кормлю лошадь, поднимаю тяжести, сплю».

Линь Цинюй догадался: «Проще говоря, ты прогуливаешь работу».

«Ты не можешь обвинять меня в этом, – Гу Фучжоу рассеянно поиграл меховым воротником

соболей мантии Линь Цинюя. – Я также внес весомый вклад в тренировки тяжелой кавалерии в этом лагере».

«Например?»

«Я укрепляю и поднимаю боевой дух солдат. Я – яркий маяк для генералов и солдат в подавленном настроении, – Гу Фучжоу стоял, заложив руки за спину, произнося все это с серьезным выражением оратора. – Я сказал им, что только благодаря их усердным тренировкам, император может с еще большим комфортом сидеть на троне дракона. Только благодаря тому, что они едят меньше военной провизии, головные уборы императорских наложниц можно сделать еще более великолепными и роскошными. Дорога длинная и извилистая, но мужчины Даюй никогда не боятся трудностей, никогда не боятся усталости. Давая себе шанс, вы даете шанс Даюй. Жизнь человека подобна жеребёнку, перепрыгивающему через узкую щель (быстротечна). Ленъ в молодости вызывает сожаления в старости. Каждый хочет быть праздным, но только прилагая усилия, кто-то сможет преодолеть лень. Нет ничего, чего не мог бы достичь решительный человек...»

[Примечание: Полагаю, каждое слово здесь имеет ироничный оттенок. И все это либо цитаты, либо идиомы.]

«Ты заставляешь их делать то, что сам не желаешь, – Линь Цинюй говорил от имени многих солдат, которые восхищались Гу Фучжоу. – Ты гнусный чужеземец».

«Ничего не поделаешь. Кто виноват, что горячим парням нравится слушать подобные вещи?»

Гу Фучжоу много говорил и теперь чувствовал небольшую жажду. В казармах не было чайных сервизов, только бурдюки с водой. Гу Фучжоу открыл бурдюк, и сделал глоток. Тут же обратившись к Линь Цинюю: «Хочешь воды?»

Линь Цинюй взял бурдюк с водой, затем достал носовой платок и протер горлышко. Он собирался уже сделать глоток, когда Гу Фучжоу забрал бурдюк обратно.

Линь Цинюй посмотрел на него с подозрением. Гу Фучжоу поднял голову и сделал еще один глоток, затем сунул бурдюк в руку Линь Цинюю и чуть ли не приказал: «Пей».

Линь Цинюй уставился на горлышко бурдюка и, незаметно для Гу Фучжоу улыбнувшись, ответил: «Кажется, я больше не хочу пить».

«Неужели лекарь Линь не хочет даже косвенно прикоснуться ко рту этого генерала? – Гу Фучжоу холодно усмехнулся. – Почему? Боишься, что испортишь свой рот?»

Линь Цинюй кивнул, отвечая: «Немного».

Гу Фучжоу сердито рассмеялся. Впервые он показал свою властную сторону перед Линь Цинюем: «Сегодня ты должен выпить эту воду, Цинюй. Иначе ты не сможешь уйти».

Линь Цинюй приподнял чуть выше ресницы, посмотрев на генерала: «Если я захочу уйти, генерал остановит меня?»

Гу Фучжоу поднял руку и, прежде чем Линь Цинюй успел отреагировать, вынул шпильку, скрепляющую волосы супруга. Они находились в военном лагере, где полно людей, Линь Цинюй, естественно, не мог выйти из палатки с распущенными волосами.

Гу Фучжоу покрутил шпильку между пальцами, а затем крепко сжал ее в ладони, заявив: «Я верну ее тебе после того, как ты выпьешь воды».

Линь Цинюй посмотрел на Гу Фучжоу, поинтересовавшись: «Почему тебе так нравится брать чужие шпильки – это привычка, которую ты развил у себя на родине?»

«Это привычка, которую я развил в общении с тобой, – ответил Гу Фучжоу, холодно продолжив: – Если я прикоснусь к тебе где-нибудь еще, боюсь, ты назовешь меня извращенцем. Поэтому единственное, чем я могу воспользоваться – это твоими волосами».

Пока это не привычка, которую он отработал на других девушках, это хорошо. Линь Цинюй взял бурдюк с водой, поднял голову и сделал глоток, спросив генерала: «Удовлетворен?» До этого он даже не знал, что означает косвенное прикосновение.

Гу Фучжоу был удовлетворен, но не полностью, поэтому сказал с неискренней улыбкой: «Неожиданно, лекарь Линь все еще недолюбливает меня».

Линь Цинюй утешил его: «Я не недолюбливаю тебя, просто шучу».

«Неужели?»

«Если бы ты мне не нравился, разве я позволил бы тебе лечь в мою постель?»

Гу Фучжоу был наконец убежден. Он помог Линь Цинюю снова собрать волосы, закрепив их шпилькой: «Лекарь Линь теперь тоже научился шутить, – заметил он и тут же многозначительно поинтересовался. – У кого ты этому научился?»

Линь Цинюй дал совсем не тот ответ, который хотел услышать Гу Фучжоу: «Естественно, я научился этому у Хуань Туна. Хуань Тун любит шутить, генерал ведь знает об этом, верно?»

Гу Фучжоу тихо рассмеялся, спрашивая: «Лекарь Линь, вы действительно пришли сюда, чтобы забрать мужа с работы? Или довести его до смерти в военном лагере, заставив задохнуться от

гнева?»

Когда пришло время, они вдвоем отправились домой, где Линь Цинъюй и Гу Фучжоу поговорили о визите Си Жуна. Гу Фучжоу заключил: «Теперь у нас есть императрица во внутреннем дворце, Наньань Хоу среди государственных чиновников, много генералов среди военных, и даже Си Жун и Сяо Цзе поднялись на наш борт. Можно сказать, что все готово, не хватает лишь восточного ветра*».

[Примечание: 万事俱备 / wàn shì jù bèi, zhǐ qiàn dōngfēng. Не хватает только одного из важнейших условий для выполнения плана.]

Линь Цинъюй добавил: «И я рядом с императором».

Гу Фучжоу понял, что имел в виду Линь Цинъюй, и напомнил ему: «Ты не единственный императорский лекарь рядом с императором, с остальными тоже нужно считаться».

Линь Цинъюй лениво заметил: «Если я захочу поднять руку на императора, я не буду применять лекарства».

Гу Фучжоу вспомнил, над чем в последнее время работал Линь Цинъюй, догадавшись: «Ты думаешь использовать Гу?»

Линь Цинъюй утвердительно кивнул: «Чу Чжэндэ мало что знает о Гу. Если в тело императора вселить всего одного редкого Гу, он может и не заметить этого».

Гу Фучжоу немного подумал и заметил: «Я думаю, ключ лежит в Сяо Чэне».

«Почему?»

«Если Сяо Чэн окажется недостойным статуса наследного принца, император упразднит его титул наследного принца, и тебе не придется использовать Гу против императора».

Автору есть что сказать:

Непрямой поцелуй, нет, не хочу*!

[Примечание: 不 Это японское «Даме» на китайский манер, означающее кокетливое «нет, не хочу!». Обычно может использоваться, когда отвергают других или выражают свое нежелание что-то делать или не делать, но в кокетливой, игривой манере.]

<http://bllate.org/book/15122/1336694>